

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 821.161

Л.И. ЖУРОВА

АВТОРСКИЕ СВОДЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в. (постановка проблемы)

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования неофициальных сводов в русской публицистике первой половины XVI в., составленных крупными общественными деятелями: Нилом Сорским, Иосифом Волоцким, митрополитом Даниилом и Максимом Греком. На основе анализа построения авторских кодексов, их архитектоники выявляются способы реализации замысла писателей и особенности восприятия текста читателями.

Ключевые слова: публицистика XVI в., Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, митрополит Даниил, Максим Грек, авторское самосознание, рукописный сборник, собрание сочинений.

Развитие русской публицистики XVI в. происходило на подъеме веры в разум, в силу убеждения, в силу книжного слова [1, с. 129–130]. Осмысление исторических событий, идеологическая полемика в Московской Руси [2; 3], двигавшейся к эпохе самодержавия, требовали новых форм словесности. Наряду с официальными сводами, памятниками «обобщающего характера» [4, с. 107–114; 5–7]: Никоновской летописью, Великими Минеями Четъими, Стоглавом, Степенной книгой – шел интенсивный процесс создания публицистами сводов из собственных сочинений. Складывавшийся в первой половине XVI в. опыт собирания авторских текстов (составление избранного) открывал одно из перспективных направлений древнерусской книжности, в которой «любой текст запечатлевал в себе как эпизодическую, так и семантическую авторскую память» [8, с. 155]. Это знаковое явление в книжной культуре первой половины XVI в. было вызвано возраставшим осознанием значимости своих сочинений, ответственности писателя за свое слово и, главное, заботой о его восприятии читателем. Оно должно рассматриваться в контексте стиля эпохи второго монументализма, когда, по словам Д.С. Лихачева, «красота подменяется размерами. Авторы стремятся действовать на своих читателей величиной своих произведений» [1, с. 134–135].

Имена писателей, которые, как правило, были известными историческими деятелями в средневековой культуре, обеспечивали рецепцию их сочинений. Индивидуальность публицистов проявлялась постепенно. Их творчество, спровоцированное общественно-политической обстановкой в Московской Руси, подготовило

эпистемологический сдвиг, который, по словам И. Беренсмайера, «заключался в переходе от опоры достоверного знания на личное наследие и личный авторитет к новому опытному знанию» [9, с. 623–637].

Изучение авторских сводов первой половины XVI в. позволяет выделить два типа в истории их складывания. Первый представляет собой обширное монологическое высказывание автора на одну тему. Он однороден по составу и форме: речь автора организована в виде последовательно связанных глав (гомогенный тип). К нему следует отнести такие произведения, как «Устав» Нила Сорского и «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Второй тип более сложен по своей архитектонике, он составлялся и редактировался самими авторами из собственных сочинений на разные темы, разнороден по составу и по жанрам, тексты не имеют между собой жестких связей, их системные отношения обусловлены только авторской интенцией (гетерогенный тип). Таким типом свода представляются «Сборник» митрополита Даниила и собрания сочинений Максима Грека.

В самом значительном произведении Нила Сорского, известном в науке как «Устав», ведущей темой избраны вопросы внутренней жизни монашествующего человека, главным образом, борьбы инока со страстями. Жанр сочинения определен Ф. Лилиенфельдом как богословский трактат [10, с. 97].

Во вступлении, которое в традиционной средневековой культуре «помогало читателю “узнавать” в произведении необходимое настроение, привычные мотивы, темы» [11, с. 71; 12, с. 129], Нил Сорский определяет свой замысел так: если многие святые

отцы, наученные Божиею благодатью, высказались различными словами о помыслах человека, то и «я многогрешный и неразумный, собрав от Святых Писаний, что сказали об этом духоносные отцы, написал для напоминания себе»¹. И здесь же он определил метод своего изложения: «Поскольку же не из тех я, кто в здравии благодушия и тишине от страстей пребывает, но в узах болезни страстей нахожусь, то это немногое сказал я не от себя, но от Святых Писаний, малое от многого собрав, как пес от крошек, падающих со словесной трапезы господ своих – блаженных отцов, да хоть немного *будем их подражателями*» (здесь и далее курсив мой. – Л. Ж.). Таким способом автор настраивает читателя на восприятие своей учительной речи. В конце своего сочинения книжник повторит: «Не от себя... сказал я, но от Богодухновенных Писаний святых отцов, просвещенных разумом... Если же от этого писания кто-то пользу получит, пусть и о мне грешном помолится». Так пространное высказывание автора замыкается, оно завершено и содержательно, и композиционно. Полнота текста, по замыслу писателя, усиливает убедительность авторского слова и воздействие его на читателя, а именно, иноку (инокам) в первую очередь адресована речь Нила Сорского.

Основная проблема – что надо делать иноку, желающему спастись, – составляет смысловой стержень пространного сочинения, которое автор представил как свод 11 глав. Обсуждение выбранной в каждой главе темы нацелено на поучение. Заголовком сборника – «Из писаний святых отцов о мысленном делании: ради чего это нужно и как подобает стараться о том» – заявлена коммуникативная установка автора. Текст и заглавие становятся подтекстами единого текста. В средневековой книжной культуре название аннотирует сочинение. Содержание глав «Устава» напрямую представлено в единообразных по форме названиях, которые подготавливают восприятие текста: «Глава 1. О различении стадий ведущейся с нами мысленной брани, о победах и поражениях в ней и о том, что надо тщательно противиться страстям», «Глава 3. О том, как и чем укрепляться при наступлении браней мысленного подвига», «Глава 8. О слезах: что подобает делать хотящим обрести их» и т.д. Так в 11 главах сборника изложено практическое руководство старца по духовной работе инока над собой.

Главы «Устава» различаются пространством текста. Автора как бы не заботит пропорциональность частей (одна глава обширна, другая очень кратка), основное – это их согласованность. Выстраивая текст линейно, Нил Сорский опирался на Священное Писание и патристику, не увлекаясь при этом цитированием. Авторское начало этого средневекового книжника проявилось в искусстве сопряжения своего слова с «чужим» текстом, и «лишь прозорливый взгляд, по наблюдению Ф. Лилиенфельд, может открыть сквозь завесу этих отеческих мнений талантливого писателя» [10, с. 98].

Другое широко распространенное в древнерусской литературе сводное сочинение русской публицистики принадлежит Иосифу Волоцкому. «Книга на новгородских еретиков» тоже построена по доминантному принципу. Критика московско-новгородской ереси, бывшей по сути реформационным движением, гуманистическим течением [1, с. 127], составила основное ее содержание. Книга и заглавие в древнерусской литературе всегда соответствуют друг другу, т. е. они коиндексальны. Читатели «Книги на новгородских еретиков» в XVII в. нашли другое название памятнику – «Просветитель», которое, как показала история текста этого сочинения, отразило сильную рецепцию авторского замысла.

По содержанию «Книга на новгородских еретиков» – первый русский свод православного богословия, по форме – это свод авторских текстов. «Рабочим» материалом послужили послания Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану о Святой Троице (Слово 1), епископу Суздальскому Нифонту (Слово 12), инокам о повиновении соборному определению (Слова 15 и 16) и др. Изложение в Словах заново отредактировано автором, оно более подробное, логичное и последовательное, нежели в посланиях. Текстуальный анализ этих сочинений позволяет видеть особенности творческой лаборатории публициста.

Первая редакция «Книги» (1502 г.) состояла из 11 глав; вторая, пространная, редакция (1510–1511 г.) включала уже 16 глав ([13], здесь же предложена новая концепция отношений редакций «Просветителя»). Совпадение числа статей первой редакции «Книги» с «Уставом» Нила Сорского может быть не случайностью, а указателем на авторитетный образец. С помощью изучения предшествующего опыта «можно описать историческое развитие древнерусской литературной системы, выделяя динамические схемы, которые явились результатом творческого подражания порождающим моделям, кодифицированным господствующей литературной верой» [14, с. 139]. «Книга» Иосифа Волоцкого есть, согласно авторской интенции, «рецепт» духовного выздоровления грешника. Свой замысел Иосиф объяснил тем, что о появившихся еретиках новгородских не написано книг, не найдено ни одного лекарства, чтобы исцелить эту болезнь. «И таковыя ради беды, и азъ мало нечто събрахъ отъ божественныхъ Писаний, съпротивно и обличительно еретическымъ речемь»². Комментированное чтение авторитетных сочинений – главный прием изложения своей позиции в полемике и ведущий принцип строения авторского текста Иосифа Волоцкого.

«Книга» создана как система ответов идеологическим противникам. Важную роль в организации сборника играют заголовки. Основные, ключевые вопросы полемики вынесены в пространные номинативные названия каждой главы. Двучленная конструкция заголовков (первая часть содержит тезис еретиков, вторая – антитезис-ответ богослова) настраивает на

¹ Цит. по: Нил Сорский, преподобный. Устав о скитской жизни / Нов. рус. пер. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвинского жен. монастыря, 2002; URL: <http://www.omolenko.com/biblio/nil-sorskiy.htm>

² Цит. по: «Просветитель», или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903. С. 46–47.

восприятие полемической речи автора. Например, «Слово 10. На ересь Новоградцкихъ еретиковъ», хулящих писания святого Ефрема и глаголющих, яко ложна суть писания его. *Зде же* имать сказание от Божественныхъ Писаний, яко святого Ефрема писании истинно и подобна суть пророческому и еуаггельскому и апостольскому писанию» (с. 294). Единоначатие заглавий – «на ересь Новгородскихъ еретиковъ» – связывает все Слова в сводный текст. Названия выполняют функцию претекста и подготавливают понимание сложных рассуждений.

Слово 11, которым заканчивалась первая редакция свода, «На ересь Новгородцкихъ еретиковъ, хулящих иноческое жителство», отличается от всех других своим строением: текст поделен на пять глав, каждая из которых имеет свое название. Несомненно, тема устройства монашеской жизни в разворачивающейся полемике с нестяжателями для автора, ставшего идеологом стяжательства, была чрезвычайно важна концептуально, и потому он выделяет ее структурно. Новые главы второй редакции (12–16) не нарушают общую стилистику и композицию текста, а дополняют, обогащая аргументацию полемической речи Иосифа Волоцкого.

Внутренние связи, существующие между главами «Просветителя», скрепляют текст в единое целое, делают свод не просто набором отдельных сочинений, а организованным на авторской интенции монолитным высказыванием публициста. Так, идеи предисловия симультанно распределены в первых 13-ти Словах; автор в последнем, 16-м слове отсылает читателя к 13-й и 15-й главам. В заключительных Словах свой собранный труд Иосиф Волоцкий называет книгой (Слово 15: «начуе прочтет слово, которое написано в начале этой книги»; Слово 16: «пусть он прочтет тринадцатое слово, помещенное в этой книге»). Такая референция не случайна, автор тем самым подчеркивал учительный характер своего труда и рассчитывал, вероятно, на его широкое распространение и массовое чтение.

Таким образом, ведущий принцип изложения Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, основанный на проблемно-тематической выборке из книг Священного Писания, памятников учительной и житийной литературы, – рекуррентный, т. е. пошаговое движение в развитии темы разворачивает концепцию авторов до конца. Выписки и цитаты фундировали авторское высказывание, и сам публицист, прикрывавшись «чужим» словом, находился на пути перехода от имперсонального типа творчества, присущего древнерусской книжности, к индивидуальному, динамично развившемуся в литературе Нового времени. Авторская позиция именно в публицистическом сочинении должна быть выражена особенно явно, ответственность писателя за сказанное слово возрастала. Форма и архитектура авторского свода способствовала презентации общественно-политических взглядов публицистов и рецепции читателей.

Другой тип авторского свода собственных сочинений – гетерогенный – представлен «Сборником» митрополита Даниила (РГБ, ф.173, собр. МДА, № 197), состоящим из 16 слов, которые И.Д. Беляевым, митрополитом Макарием, В. Жмакиным оценены как не

связанные между собой сочинения [15, стлб. 193–209; 16, с. 181–275; 17, с. 288].

В отличие от своего наставника и в силу своего положения – главы церкви – Даниил обратился к комплексу проблем, наиболее актуальных для своего времени. Свободная (не проблемно-тематическая) подборка текстов в его авторском сборнике (а авторский или тематический сборники представляют собой систему) производит впечатление некоторой внутренней неупорядоченности, неопределенности опыта. Мера этой неупорядоченности в системе – энтропия – обычно стремится к уменьшению или увеличению, поэтому можно говорить об уровнях энтропии авторских сборников. «Просветитель» Иосифа Волоцкого имеет нулевой уровень энтропии. «Сборник» Даниила имеет повышенный уровень энтропии. Собрания сочинений Максима Грека демонстрируют стремление автора к снижению уровня энтропии.

Совпадение числа глав «Сборника» и «Просветителя» (16) позволяет описать систему, организованную авторами, через количественную характеристику, она представляет в данном случае однородную структуру. Видимо, стремясь выдержать цифровое соответствие, Даниил несколько искусственно делит одну тему – о неразлучении мужа и жены – на два Слова (14 и 15), и близкую к ней – «о втором браке» – выделяет в самостоятельное Слово 16. Наряду с этим качественная, а именно содержательная составляющая обнаруживает разнородность авторских сборников, анализ которой позволяет понять замысел публицистов.

В составе «Сборника» Даниила можно видеть некоторую логику. Взяв на себя роль проповедника, митрополит избрал учительный, а не полемический тон речи. Цель автора сформулирована в кратком предисловии «Сборника», роль которого заметно редуцирована в сравнении со вступительными словами сборников Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Даниил предлагает читателям «духовную трапезу в питание и наслаждение», дело пастыря, пишет он, «кормити христоименитых людеи»³. Писатель использует известный способ изложения: «Сего ради мы, вмале потрудившися, от Божественныхъ Писаний избравше истинная разумения и разсужения, совершихомъ ко всехъ душевней ползе» (л. 4 об.). Опять обращение к Писанию как неиссякаемому источнику знаний – проверенный способ строения собственной речи писателя. В Словах Даниила «чужие речи», в отличие от стиля Иосифа Волоцкого, сконцентрированы в одном месте. В трехчастной структуре Слов Даниила вторая часть, составленная из цитат и выписок, является самой обширной. В библиографию вошли библейские книги, патристика, правила соборные, богослужебная литература, сочинения и жития святых, патерики и различные сборники. Выписки (на языке средневековой письменности – свидетельства), как правило, служат писателю подготовительными материалами. Включение их в компилятивный текст Слов Даниила может быть оправдано просветительскими целями. В первой же части Слов определяется тема

³ Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 173. Собр. МДА. № 197. Л. 4.

повествования, в третьей, названной автором «Наказание», содержится собственно поучение, назидание; это развернутое заключение, вытекающее из материалов первых двух частей. Занимающее сильную позицию конца текста, «Наказание» функционально наиболее значимо, выразительно, выдержано в традиции средневековой риторики и потому более рассчитано на эффект читательского восприятия (именно оно было в первую очередь опубликовано В. Жмакиным).

Круг вопросов, поднятых Даниилом в Словах, связан с темами богословскими – о ложных пророках, о соблюдении церковных преданий, о крестном знамении, о Едином Боге, о вочеловечении Господнем и с темами общечеловеческими, конституированными в божественных заповедях – о смирении враждующих, о несотворении зла, о послушании властям, о неразлучении мужа и жены. Сама последовательность Слов может быть представлена в виде движения от небесного к земному.

Содержательное поле сочинений Даниила и Максима Грека различается количеством поднятых тем. Спектр проблем, затронутых в трудах «гиперборейца из Эллады», многоцветен. Формы повествования, способы организации текста, поэтические и риторические приемы Максима Грека разнообразны, но находятся в рамках высокой культуры книжного слова.

Формирование Святогорцем собраний собственных сочинений (конец 1540 – первая половина 1550 г.) – самое масштабное предприятие в практике составления неофициальных, авторских сводов Московской Руси первой половины XVI в. Систематизация Слов Святогорца в 47 главах Иоасафовского собрания определена как его «ответ судиям» [18, с. 186–219]. Монументальность формы самого полного прижизненного свода – Хлудовского (74 главы) – усиливала звучание публицистического голоса автора и укрепляла позиции ученого грека, анализировавшего отношения человека и власти, человека и общества, человека и человека, человека и Бога в их концептуальном развитии [19, с. 330–481]. В истории древнерусской книжной культуры такие проекты продекларировали особую форму авторского права. Составление собраний трудов Максима Грека русскими книжниками в конце XVI – начале XVII в. (Синодальное собрание в 112 глав, Полное собрание в 151 главу и др.) происходило в развитии авторского опыта и отражало особенности рецепции читателей.

Практика составления авторских сводов XVI в., несомненно, знаменует собой важный этап истории становления индивидуального начала в средневековой литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.
2. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955.
3. Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
4. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.
5. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
6. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии: в 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1.
7. Емченко Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
8. Смирнов И.П. О древнерусской культуре. Л., 1977. С. 155.
9. Berensmeyer I. No fixed address: Pascal, Gervantes and the changing function of literari communication in early modern Europe // New lit. history. Virginia, 2003. № 4. P. 627.
10. Лилленфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 97.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 71.
12. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий (русская старопечатная литература XVI – первой половины XVIII в.). М., 1981.
13. Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010.
14. Пиккио Р. Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 139.
15. Беляев И.Д. Даниил митрополит московский // Изв. Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1856. Т. 5, вып. 4. Стлб. 193–209.
16. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшаго Макария, архиепископа литовского и виленского // Христианское чтение, изд. при Санкт-Петербургской духовной академии. 1872. № 10. С. 181–275.
17. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 288.
18. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
19. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции : в 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1. С. 205–490; 2011. Ч. 2. С. 127–291.